

«Абхазская» политика Грузии: новшество и стратегия

На данную тему состоялась дискуссия в южно-кавказском региональном бюро Фонда им. Генриха Бёлля. Приветствуя ее участников, модератор **Давид Паичадзе** указал на изменения, которые произошли в грузинской политике в отношении Абхазии после революции роз. Но для более подробной оценки стратегии слово было предоставлено представителю парламентского большинства **Николозу Гварамия**:

- Я считаю, что более уместно говорить не об изменении политики в отношении Абхазии, а о появлении политики после революции роз. Я объясняю это консолидацией грузинского общества, его сплочением вокруг государственных ценностей. Идея территориальной целостности страны находится на первом месте. Мы можем спорить о путях достижения этой цели, но очевидна динамика развития процессов в этом направлении. Политика властей многовекторна, и она ориентирована на блокирование действий России против Грузии.

Военно-стратегический путь решения грузино-абхазского конфликта мне представляется вполне легитимным, хотя он не является ни универсальным, ни наиболее желанным. Военное решение конфликта можно считать оправданным, если безрезультатными окажутся все иные средства. Если стороны оказываются перед необходимостью заключения контракта, то одна из сторон должна располагать средствами принуждения для согласия другой на его заключение. В этой конструкции нет ничего неприемлемого ни с внутривнутриполитической, ни с международно-правовой точки зрения. В рамках мирового порядка существуют прецеденты установления мира посредством военной силы. Для Грузии это будет не просто военной операцией в целях экспорта демократии, а в первую очередь, возвращение аннексированной территории. Власть обязана перед населением страны прибегнуть к любым легитимным средствам, в том числе и военным, которые также являются легитимными. Я более чем уверен, что те, кто призывает нас исключить возможность военного решения конфликта, оказавшись в нашей ситуации, прибегли бы именно к этому решению. Что касается альтернативных путей, то это в первую очередь регулирование миротворческого процесса, который без военной аргументации не имеет никакой перспективы, поскольку мы имеем дело со стороной, которая уверена в своей независимости и не имеет никакого перспективного плана жизни в грузинском государстве. Поэтому переговорный процесс в будущем должен строиться на принуждении, исходя из тех возможностей, которыми будет располагать наше государство. Обязанность восстановления конституционного порядка будет стоять перед всеми властями Грузии, несмотря на партийную принадлежность.

Что касается России, то я считаю, что чем быстрее произойдет перестройка наших отношений, ослабление экономической зависимости и т.д., тем раньше мы достигнем позитивных результатов. Грузия не исчезнет с карты мира, если Россия перестанет поставлять ей газ и электричество.

В политических кругах Грузии обсуждается вопрос, касающийся референдума о статусе Абхазии. Мне представляется целесообразным проведение такого референдума, но с участием всех насильственно перемещенных лиц. Я уверен, что на это не пойдет ни российская, ни абхазская сторона. Когда я задавал вопрос парламентской делегации России на эту тему, то они отвечали, что не в состоянии обеспечить возможность такого референдума. Единственное, что их устраивает, - сохранение существующего положения.

Международному сообществу для участия в решении конфликта нужны аргументы. Такими аргументами могут быть уступки со стороны Грузии. Например, согласие на референдум о независимости Абхазии. Но если такая постановка вопроса кого-то шокирует, можно сказать иначе: референдум о нахождении Абхазии в составе Грузии. Я уверен в положительных результатах референдума, но есть люди, которые видят в нем определенный риск. В любом случае, референдум был бы правовым решением вопроса, но обеспечить его проведение должна авторитетная международная организация.

Негативной стороной в проводимой властями политике мне представляется ее недостаточная активность. Если бы политическая активность в указанном направлении была бы такой же, какую мы видим в области военного строительства, то мы достигли бы гораздо большего.

Давид Паичадзе:

- Спасибо докладчику. Думаю, что в аудитории уже появилось много вопросов, но сперва мы должны выслушать всех докладчиков. Слово предоставляется господину Ивлиану.

Ивлиан Хаиндрава, депутат парламента Грузии:

- Я не буду вступать в полемику с предыдущим докладчиком, поскольку по целому ряду вопросов у меня совершенно противоположное мнение. Хочу начать свое выступление с распространенных в нашем обществе стереотипов об абхазах и о грузино-абхазском конфликте. Одним из наиболее опасных стереотипов мне представляется следующий: достаточно России уйти из Абхазии, и конфликт будет решен сам собой. То есть абхазы так испугаются, что будут согласны на любые условия, которые им поставит Грузия. Или же за несколько часов в Сухуми войдут грузинские танки, над домом правительства водрузят грузинский флаг, и вопрос будет решен. Второй стереотип предполагает, что против грузин в Абхазии воевали русские наемники, чеченцы, кабардинцы, армяне и очень мало абхазов. Этот стереотип легко опровергнуть даже тем, что среди погибших в стане наших противников гораздо больше абхазов, чем представителей всех других национальностей, вместе взятых. Происхождение этого стереотипа объясняется попыткой оправдать поражение. Мол, если мы воевали с Россией, то не стоит удивляться тому, что потерпели поражение.

Возвращаясь к первому стереотипу, я хочу заверить вас, что даже если Россия откажется от поддержки Абхазии, абхазы не пойдут ни на какие уступки, и вновь будут воевать с таким же отчаянием, как и в 1992-1993 годах. Будут воевать все, кто способен держать в руках оружие, включая женщин. Я не исключаю, что какой-то процент не захочет воевать, но их или заставят, или расстреляют как предателей. Поэтому надеяться на то, что в случае нейтрализации России мы избежим войны, нет никаких оснований.

Третий стереотип, также распространенный в нашем обществе, предполагает, что у Абхазии марионеточное правительство, которое стремится присоединить Абхазию к России. Согласно этому стереотипу, Абхазия является предметом торга между Грузией и Россией, и, в конечном счете, она достанется одной из стран.

Я не буду судить о том, насколько реалистична политика абхазских властей, но ее можно сформулировать следующим образом: с помощью России как-то избавиться от Грузии, а впоследствии обрести независимость и от России. Так что идея независимости сегодня превалирует в абхазском дискурсе. Что касается ассоциированного членства в составе России, то это стремление стать субъектом, который сможет налаживать с кем-то ассоциированные отношения. В этом принципиальное отличие от той политики, которую проводят власти Южной Осетии, которые ставят целью воссоединение с Северной Осетией в рамках Российской Федерации. Поэтому корректным было бы определить юго-осетин как ирредентистов, а абхазов как сепаратистов.

На конференцию в Пицунде были приглашены шесть абхазов из Турции. Несмотря на то, что представители абхазской диаспоры в Турции выражают полную солидарность абхазскому народу и готовы оказать как моральную, так и материальную поддержку своим соплеменникам, возвращаться на свою историческую родину они все же не собираются. Я

думаю, что их приглашение на конференцию было определенной демонстрацией. России давали этим понять, что помимо нее, у абхазов есть и другая опора.

К сожалению, в грузинской историографии очень мало внимания уделяется истории махаджирства, и особенно его последствиям. Хотя выселение многих тысяч абхазов в Турцию и в другие страны Ближнего Востока целиком на совести Российской Империи, этот факт не мог не отразиться и на грузино-абхазских отношениях. В любом случае, нам бы следовало выразить более определенное отношение к этому трагическому событию.

Кстати, абхазы обращают внимание на то, что ни в нашей историографии, ни в сегодняшнем политическом дискурсе этому событию не уделяется внимания.

Еще один стереотип, в связи с Косово. Если можно проводить параллели между Косово и Нагорным Карабахом, аналогичные параллели в отношении Абхазии провести невозможно. В Косово в повестке дня стоит проведение референдума, аналогичный референдум в Абхазии означал бы крах ее независимости. Поэтому абхазы очень осторожничают. Президент С.Багапш заявил, что Косово – это другая тема, и что у Абхазии свой путь развития. Что касается возможного референдума о независимости Абхазии, то я далеко не уверен – в отличие от предыдущего докладчика – в его положительных итогах для Грузии. По состоянию довоенного положения грузины в Абхазии составляли 45% населения, и я не знаю, кто, кроме грузин, может проголосовать за нахождение Абхазии в составе Грузии. Так что с политической точки зрения референдум не может быть выигрышным для Грузии.

Стереотипом является и позиция, в соответствии с которой с абхазами не имеет смысла вести переговоры, поскольку они ставят предварительным условием признание их независимости. Я считаю, что если мы собираемся жить вместе с абхазами, то переговоры необходимы, хотя бы для того, чтобы не оставаться в плену упомянутых стереотипов. Естественно, и в абхазском обществе существует множество стереотипов. Но встречи и переговоры необходимы, хотя бы для того, чтобы разрушить стереотипы грузина-реваншиста и кровопийцы. Хотя если учесть позицию нынешних властей Грузии, которую озвучил **Н.Гварамия**, разрушить такой стереотип будет довольно сложно. Благодарю за внимание.

Давид Паичадзе:

- Предоставляю слово господину Арчилу.

Арчил Гегешидзе, ведущий эксперт Фонда стратегических и международных исследований Грузии:

- Хочу поблагодарить Фонд Белля за организацию дискуссии по одной из самых актуальных тем для сегодняшней Грузии. Я согласен с господином Гварамия в том, что постреволюционное правительство Грузии стремится к изменению положения, которое неприемлемо для нашей стороны. Появилась определенная динамика, ориентированная на изменение положения «status quo». Есть попытка разморозить замороженный конфликт. Но встают вопросы относительно того, насколько в правильном направлении идут процессы и к каким результатам может привести динамика этих процессов. Я думаю, что в течение последних лет ситуация между сторонами конфликта никак не улучшилась. Более того, возросла степень отчуждения. Значительным результатом новой динамики явились события минувшего лета, я имею в виду укрепление юрисдикции центральных властей в Кодорском ущелье. Сопутствующим фактором новой динамики явился тупик, в котором оказался переговорный процесс. Это, в свою очередь, способствовало укреплению образа врага в лице грузин. Я считаю, что решение абхазской проблемы должно отождествляться не с восстановлением территориальной целостности, а с решением конфликта. Однако решение конфликта по времени не совпадает с продолжительностью политической жизни той или иной власти. Это более долгий процесс, поскольку он подразумевает добровольное стремление сторон к перемирию. При этом я не исключаю и фактор давления, но это давление должно быть психологическим, и оно ни в коем случае не должно содержать в себе угрозу применения военной силы. Грузия должна стать чем-то интересной для абхазов, но для этого помимо времени требуются большие ресурсы и усилия. Но власть по известным

причинам торопится, а торопливость в этом деле связана с определенным риском и возможными негативными последствиями принимаемых решений. У нас нет четкого понимания путей решения конфликта. Декларация возможного военного решения, как я уже говорил, усиливает степень отчуждения абхазской стороны от Грузии. Абхазская сторона в равной мере осознает как опасность физического истребления в случае новой войны, так и опасность потери своей национальной идентичности в составе России. Но потеря идентичности – это долгосрочная перспектива. Большую опасность для них представляет Грузия, которая может предпринять военную экспансию против них.

В случае новой войны им грозит физическое уничтожение. Этот страх исключает возможность совместной жизни с грузинами в одном государстве. Но абхазы тоже против сохранения нынешнего «status quo», хотя бы потому, что благодаря своим агроклиматическим условиям, могли бы более успешно развивать экономику, но в силу угрозы со стороны Грузии, они все же предпочитают сохранение нынешнего положения вещей. Политическая активность грузинской стороны выражается в действиях, направленных на обретение сторонников в лице международных организаций в стремлении с их помощью нейтрализовать Россию.

Прямой диалог необходим, однако в постреволюционный период его почти не было. Хотя какие-то проекты на уровне неправительственных организаций осуществляются, устраиваются встречи и дискуссии, но все это очень далеко от той критической массы, которая могла бы способствовать решению конфликта. Акцент в грузинской политике переносится на то, какое давление Запад будет оказывать на Россию в целях ослабления ее роли в конфликте. Что касается референдума по статусу Абхазии, то я сомневаюсь в целесообразности его проведения, поскольку даже если его итоги окажутся выигрышными для нас, для абхазской стороны, он не будет иметь силу закона. Это означает, что через какое-то время вновь может вспыхнуть конфликт. Мы же не сможем у каждого дома поставить полицейского. Так что без подготовки соответствующей политической почвы проведение референдума мне представляется преждевременным.

Теперь насчет параллелей с Косово. Для России признание независимости Косово представляет собой аргумент для признания независимости Абхазии, на основе волеизъявления проживающего там, на сегодняшний день населения. Однако признание независимости Косово по целому ряду причин затягивается. Поэтому Россия может, не дожидаясь этого, признать независимость Абхазии и Южной Осетии. Какими будут встречные политические шаги со стороны наших властей, сказать трудно. Кстати, признанию Абхазии в качестве независимой республики могут предшествовать провокации в Кодорском ущелье уже этой зимой, когда дороги закроются, и ущелье окажется недоступным для транспорта.

Николоз Гварамия:

- Господин Арчил говорил о нецелесообразности референдума по статусу Абхазии до тех пор, пока Грузия не станет чем-то привлекательной для абхазов, но я не вижу никаких оснований для того, что абхазы когда-либо захотят жить с нами в одном государстве. Их заявления о добрососедских отношениях только подчеркивают степень отчуждения. Мол, мы согласны быть добрыми соседями, только оставьте нас в покое. Насчет их нежелания быть в составе России, я другого мнения. Во-первых, Россия непосредственно участвовала в президентских выборах в Абхазии. Под ее давлением парламент внес изменения в конституцию, и по сути дела, появилась фигура «второго» президента. Если они хотят независимости от России, то почему финансируются из бюджета Краснодарского края?

Ивлиан Хаиндрава:

- Жить-то надо.

Николоз Гварамия:

- Я вполне разделяю мысль о том, что важнее решение конфликта, чем восстановление территориальной целостности. Решение конфликта – это абсолютный

результат. Но если государство решит, что оно не может на сегодняшний день достичь абсолютного результата, то восстановление территориальной целостности – тоже результат.

Давид Паичадзе:

- Я думаю, пора подключить к нашей дискуссии аудиторию.

Георгий Гогиа, аналитик Международного исследовательского центра «Кавказ»:

- У меня два вопроса. Во-первых, что сделали постреволюционные власти Грузии для того, чтобы абхазы перестали видеть в нас своих врагов? Второе, какие могут быть международные гарантии в мирном разрешении кодорского кризиса?

Давид Дарчиашвили, председатель Фонда Сороса «Открытое общество - Грузия»:

- Я считаю, что за счет происшедших этим летом в Кодорском ущелье событий Грузия улучшила свои дипломатические условия в переговорном процессе. Я имею в виду то, что в Кодори установлен порядок, и там находится абхазское правительство в изгнании. Если, как здесь было сказано, главным является восстановление территориальной целостности, то возможно ли предположить изменение российской политики в таком направлении, которое приведет к решению грузино-абхазского конфликта при более активном участии международных организаций?

Михаил Мирзиашвили, Фонд Сороса «Открытое общество - Грузия»:

- Господин Николоз Гварамия говорил о многовекторной политике в вопросе решения грузино-абхазского конфликта. Меня интересуют составляющие элементы этой многовекторной политики.

Юлия Харашвили, беженка из Абхазии:

- В принятой ООН резолюции по Кодорскому ущелью говорится о том, чтобы представители власти Грузии воздерживались от воинственной риторики в отношении Абхазии. Насколько эта рекомендация будет учитываться? И еще, зарубежные эксперты указывают на то, что представители абхазской стороны на встречах говорят о плохом отношении грузинских властей к беженцам. Это можно использовать в качестве аргумента их безусловного возвращения в собственные дома.

Георгий Сиамашвили, сотрудник Центра культурных взаимосвязей «Кавказский дом»:

- Недавно я принимал участие во встрече, проходящей в Тбилиси в рамках народной дипломатии. На этой встрече были абхазы из Гудауты и Сухуми. В их выступлениях чувствовалась серьезная озабоченность в связи с обострением грузино-абхазских отношений. Они и в кошмарном сне не могли себе вообразить начало новой войны. Для них очевидна политическая подоплека конфликта, решение которого некоторым из участников встречи виделось в отложении вопроса о статусе и в возможности свободного передвижения в обоих направлениях. То есть в восстановлении экономических, транспортных и человеческих связей.

Вахушти Менабде, президент Молодежной организации Грузии:

- Если мы одной из возможностей возвращения Абхазии в состав Грузии признаем силовое разрешение конфликта и при этом говорим, что все абхазы будут воевать против нас, то не значит ли это, что нам придется их истребить? Что важнее – вернуть Абхазию как территорию или вернуть абхазов в грузинское общество?

Николоз Гварамия:

- Если власти Грузии примут решение об использовании военной силы для решения конфликта, то военная операция должна завершиться с минимальными жертвами с обеих

сторон. Я не представляю себе полномасштабную войну с тысячами или десятками тысяч жертв. Я вовсе не сторонник военного решения, и дай бог, чтобы психологическое давление, о котором здесь говорилось, оказалось достаточным для решения конфликта. Тут был вопрос, касающийся содержания многовекторной политики. Остановлюсь на одном из векторов, который почти не разработан. Это сфера правовых отношений. Был опубликован проект о статусе Абхазии в составе Грузии. Со многими пунктами проекта я не согласен, однако не было должного рассмотрения этого проекта ни в грузинском, ни в абхазском обществе.

Арчил Гегешидзе:

- В отличие от господина Н.Гварамя, мне более реалистичным представляется решение конфликта, нежели восстановление территориальной целостности посредством использования военной силы. Как тут уже говорилось. В Абхазии мы имеем дело со сложившимся и консолидированным обществом, которое готово к войне. Поэтому и международное сообщество предлагает нам исключительно мирные средства решения конфликта. Кроме того, не существует адекватного, эквивалентного ресурса борьбы с партизанским движением. Мы знаем, каких сил стоило России довести положение в Чечне до нынешней кондиции, хотя окончательной победы над партизанским движением достичь все же не удалось. В случае признания Россией независимости Абхазии, миротворцы просто превратятся в российские войска, которые будут стоять в Абхазии на основе двухсторонних договоренностей. Это будет началом потери Абхазии «де юре». Поэтому политика Грузии в абхазском вопросе должна быть направлена на то, чтобы мы не пришли к этому весьма не желательному для нас результату. После того, как сенат США принял постановление о поддержке Грузии в связи с ее ускоренной интеграцией в Североатлантический альянс, Россия стала искать повод для того, чтобы приостановить движение Грузии в этом направлении. Одним из поводов было задержание и высылка из страны российских разведчиков. Следующим шагом может быть интервенция в Кодори, затем одностороннее признание независимости Абхазии. Мы должны мобилизовать весь международный ресурс, чтобы предотвратить развитие событий в этом направлении. В заключение скажу, что мы идем по лезвию бритвы, и насколько благополучным будет наше будущее в ближайшие два месяца, зависит от степени поддержки со стороны холодных стран.

Давид Паичадзе:

- Благодарю всех, давайте на этом завершим нашу дискуссию, следующая состоится через две недели, но вести ее будет уже Гоги Гвахария.

Георгий Сиамашвили